

Александр Анатолий Алексеевич,
*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Псковского государственного
объединенного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника*

НАРОД СТАВАНЫ НА КАРТЕ ПТОЛЕМЕЯ (старые идеи и новые разработки)

В дошедшей до нас работе античного географа Клавдия Птолемея перечислено множество различных народов – как известных нам по другим источникам, так и неизвестных. В силу сложившейся античной традиции среди них имеются этнонимы, которые ко времени Птолемея давно исчезли: гелоны, гиппоподы, меланхлены, агафирсы и прочие. В числе других, ранее неизвестных народов, упомянут народ карбоны. П. В. Шувалов, автор самой свежей статьи, основываясь на данных Клавдия Птолемея, переводит с латыни «карбоны» как «угли» и связывает этот народ с культурой эстонских каменных могильников [Шувалов, 2013, с. 77-78]. Существенно, что народ карбоны более в античных источниках не встречается.

Сразу следует отметить, что это чисто латинский внешний этноним; сам этот народ себя так не называл (ср. «карбонов» от Карбона Гнея Папирия, римского консула 113 г. до н. э. [Страбон, кн. V, 8, с. 877], и итальянских карбонариев сравнительно недавнего прошлого). Вполне вероятно, что это просто вольный перевод на латынь другого этнонима – гарии, который имеется в «Германии» Тацита: «А теперь о гариях: превосходя силою перечисленные только что племена и свирепые от природы, они с помощью всевозможных ухищрений и используя темноту, добиваются того, что кажутся ещё более дикими: щиты у них чёрные, тела раскрашены; для сражений они избирают непроглядно

тёмные ночи и мрачным обликом своего, как бы призрачного и замогильного войска вселяют во врагов такой ужас, что никто не может вынести это невиданное и словно уводящее в преисподнюю зрелище...» [Тацит, Германия, 43]. Выкрашенные углем (а чем же ещё красить тела в чёрный цвет?) члены этого племени, вероятно, имели этноним гарии как самоназвание. Возможно, они были балтами (ср. русское слово «гарь» и улицу Гарялио в Вильнюсе, название которой в переводе не нуждается). Вот это, по-видимому, и есть карбоны Птолемея. Некоторое несоответствие в размещении в обоих географических источниках вполне можно свести к неточностям, обычным для такого рода описаний в античное время.

Ф. А. Браун высказывался о карбонах вполне определённо: «Карбонов Птолемей помещает на крайний север, т. е. за Пернаву, в Эстляндию. Это было бы ясно, даже если б он не прибавил к их имени определение *ἄρκτικώτατοι*. Его этническая цепь обрывается, конечно, там, где кончается известная ему земля, т. е. верстах в 200 за Пернавой. Здесь, именно в Эстляндии, и нужно искать его карбонов». Карбонов Браун считал балтами, одним из племён, составлявших народ айстов [Браун, 1899, с. 249-251, 253).

Хорошо известен список других северных народов Восточной Европы Клавдия Птолемея; есть и поздняя копия его карты, где народ ставаны обозначен у истока реки Рубон (Западная Двина) и у западной оконечности Будинских гор (Среднерусская возвышенность?) (Табл. 1). Исследователей в этом списке давно привлекало то место, где упомянуты «...ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов...» [Птолемей, III.5.9]. Со времени П. Шафарика существует следующая интерпретация этого этнонима: *Σταυανοί* < *Στ(φ)λαβανοί* < **Slavani*, поддержанная затем рядом исследователей. При этом некоторые исследователи соотносили этот этноним с ранними славянами, а другие – с восточными балтами [Шелов-Коведяев, 1991, с. 59]. В последнее время с привлечением данных топонимики и археологии на этой основе реконструировался этноним **slavēne*/*slavāne* в греческой транскрипции со вставным *τ* между *σ* и *λ*, так что первоначально этноним должен был выглядеть как

στλαυανοί – форма, близкая к греческим формам Στλαβηνοί < Σθλαυηνοί [Мачинский, 2009, с. 472-473].

Табл. 1. Реконструкция карты Птолемея.

В связи с находками на севере Британии в Виндоланде более семисот лубяных табличек 92-103 гг. с надписями римским курсивом, появилась возможность по-новому осмыслить два этнонима на карте Птолемея (Табл. 2). Один этноним – кареоты, а другой – ставаны. Выяснилось, что в старом римском курсиве разница в написании малых форм букв Т и L исчезающе мала и при переписке текста малая буква L легко могла быть заменена на малую Т. В этом случае кареоты будет читаться как кареолы, что очень близко к современному этнониму карелы. А первоначальное *slauani могло быть легко заменено на stauani и в таком виде уже попасть в список народов Птолемея. Но поскольку латинский язык не приемлет звукосочетания sl, то предполагается, что эта форма могла быть записана от кого-то из романизиро-

ванных провинциалов, для языка которых такое буквосочетание было нормальным [Шувалов, 2013, с. 86-88]. В этом случае самое раннее упоминание славян под их собственным именем – это не 512 г., когда упоминаются «все племена склавинов» в связи с миграцией герулов [Прокопий, II, 14-15], а 60-е гг. II в., когда закончил свой труд Птолемей. Но работа Птолемея создана на основе труда его старшего современника Марина Тирского (первая треть II в. н. э.), который писал несколько позднее Тацита [Мачинский, Тиханова, 1976, с. 64].

Табл. 2. Табличка с римской надписью курсивом из Виндоланды.

Обычно не обращают внимания на одно существенное обстоятельство: Клавдий Птолемей жил и работал в Египте и никуда оттуда не выезжал. Марин Тирский жил и работал в Тире, древнем крупном городе-порте на побережье Ливана, который также весьма отдалён от Сарматии – Восточной Европы.

По-видимому, границы славянского мира в раннее время не были абсолютно непроницаемыми, по меньшей мере, для исхода отдельных групп населения изнутри пространства, очерченного этими границами. До нашего времени дошло любопытное генеалогическое предание о происхождении белорусского народа от некоего князя по имени Бай, жившего недалеко от нынешнего г. Дрисса. У него было пять-шесть княгинь, от которых пошло многочисленное потомство. Так вот, его потомок от одной из жён в пятом колене, по имени Скирла, со своим родом ушёл к волохам [Белорусский сборник, вып. 4, 1891, с. 174-175]. Волохами или влахами славяне с древнейших времён и до недавнего времени называли романоязычное население. У чехов – Wlach, у поляков – Włoch, у славянских жителей южной Италии италья-

янцы – вlahи [Дринов, 1872, с. 81-83]. Никакой хронологии в белорусском предании нет, но примечателен тот факт, что, по преданию, из 160 родов 8 ушли – в Москву, в Киев, к ляхам, к латышам и даже к словенцам. Из предания следует, что, во-первых, это время языческое (многожёнство), а во-вторых, перед нами – архаический твёрдый родовой строй, где единичный человек – ничто, а род – всё.

В белорусском и смоленском сборниках такое архаичное предание не единично, их целая подборка. Например, есть предания о том, как хоронили: вместе с саночками престарелого живого человека родственники бросали в специально выкопанный глубокий ров, где он и умирал [Белорусский сборник, вып. 4, 1891, с. 179-180, 183; Смоленский этнографический сборник, 1891, с. 236]. Другой обычай – «лоповщина», когда престарелого члена семьи в 80 лет родственники убивали ударом дубинки в лоб [Белорусский сборник, вып. 4, 1891, с. 180-182]. Складывается впечатление, что предания сохранили сведения о «неуловимом погребальном обряде» раннего железного века (РЖВ) – о том времени, когда городища и открытые поселения известны, а вот погребения неизвестны совсем. Первые грунтовые погребения по обряду сожжения здесь появляются только в IV в. н. э. Предание о Бае и Скирле идёт в этой же «обойме», так что уход последнего «к волохам» вполне может относиться к раннему времени... Упомянутый обряд лоповщина, судя по всему, имеет прямое отношение к названию известного городища РЖВ в Белоруссии – Лобенщина. В Себежском районе записано предание о пограничье племен ливов и свевов [Бяздоннае багацце, 1990, с. 11] – ситуация никак не позже IV века н. э. Так что белорусское предание об уходе «к волохам» имеет неопределённо какую большую древность...

Где-то на севере размещает прародину славян Равеннский Аноним (РА) в своей «Космографии»: «В шестом часу ночи находится страна скифов, откуда вышел род славян; но и ититы и химабы тоже вышли из них; позади нее находится океан, недоступный для судоходства» [Аноним Равеннский, Космография, I.12]. Страна скифов, или Европейская Скифия, при всей размытости указаний РА [Подосинов, 1995, с. 404-405] – это Восточ-

ная Европа согласно античному географическому делению [Мачинский, 1988, с. 118, 120, рис. 1]. Вот где-то здесь, в северной части этой (именно Европейской) Скифии, и находилась территория, из которой вышли склавины. Проблема источников РА весьма сложная; по-видимому, он пользовался картами, близкими к Певтингеровой; он также ссылается на ряд античных источников – ныне известных и неизвестных [Подосинов, 1995, с. 401-402; Подосинов, 2002, с. 163-166]. Этноним «ититы» имеет довольно прозрачную расшифровку – см. латинское *iti* – «идти» и псковское «итить» с тем же значением. Смысловой эквивалент: «ититы» – «пришельцы», как на латыни, так и на славянском. К расхожей версии «ититы» → «анты» этноним не имеет никакого отношения. Интересно отметить, что в Псковской области и на сопредельных территориях известно не менее 30 бранных выражений-штампов на «итит»: «итишкин рукав», «ититкин-лыткин», «итит – твой корень» и прочие, смысл которых населением утрачен; тем не менее, они употребляются до сих пор. В них упоминаются части тела и детали одежды, так что это отнюдь не отглагольные формы, как меня пытались убедить на филфаке Псковского пединститута.

Этноним «химабы» вполне сопоставим с названием германского племени хамавы. Хамавы также именовались как хамабы; см. разночтения названий германских племён у Будановой, где А и И взаимозаменяемы. Как и когда на севере Восточной Европы оказались эти германцы и куда они оттуда ушли – вопрос особый, но ничего невероятного в этом нет. Далее – список перехода А в И в этнонимах:

арабы – арибы,
вандилы – винделы,
исавры – исивары,
манды – мидийцы,
табераны – тибарены.

[Буданова, 2000, с. 514, 517, 521, 526, 532, 533].

Ещё один источник – это Псевдо-Кесарий. В датировке этого источника исследователи колебались и даже относили его к IV в. н. э. Сам источник гласит: «А как же [могло случиться, что] находящиеся в другом поясе склавины и фисониты, назы-

ваемые также данувиями – первые с удовольствием поедают женские груди, когда [они] наполнены молоком, а грудные младенцы [при этом] разбиваются о камни, подобно мышам, в то время как вторые воздерживаются даже от общепринятого и безупречного мясоедения? Первые живут в строптивости, свое нравии, безначалии, сплошь и рядом убивая [будь то] за совместной трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника, питаюсь лисами и лесными кошками, и кабанам, переключаясь же волчьим воем. Вторые же воздерживаются от обжорства, и подчиняются и повинуются всякому» [Псевдо-Кесарий, 1991, с. 254].

Исследователи, которые пытались датировать сведения ПК, останавливались обычно на разительном контрасте между этими сведениями и подробным, деловитым рассказом Прокопия Кесарийского о жизни славян на Дунае. Иначе столь душераздирающие подробности непременно попали бы на страницы других византийских авторов, никак к славянам не расположенных. Впрочем, исследователи не исключают возможности, что ПК мог использовать более древние источники. Но пока это предположение не доказано. Упоминание в источниках животных – лисы, лесной кошки, кабана, волка – в целом наводит на ассоциации с некой лесной зоной. Но леса и все означенные животные есть и на Дунае.

Упоминание Псевдо-Кесария о том, что славяне, в числе прочего, питаются также лисами, лесными кошками и кабанам, заставляет остановиться на ареале обитания кошки в первой половине I тыс. н. э. Сразу же надо упомянуть, что к этому времени в Восточной Европе имелось два вида: дикая кошка и домашняя кошка. Только в VI-VII вв. домашняя кошка появляется в лесной зоне – её останки найдены близ Ярославля, на мерянском поселении и в слое Пскова. К этому же времени она известна в Литве и Латвии. Далее, в VII-IX вв., она появляется в Старой Ладогe и в Среднем Поволжье, а в X-XIII вв. – на территории Новгорода, Старой Рязани, в Москве и Подмоскoвье, а также в Киеве [Карпов, 1987, с. 450-451].

Таким образом, в раннем железном веке домашняя кошка крайне редка в лесостепи и практически отсутствует в лесной полосе Восточной Европы [Цалкин, 1964, с. 4, 6]. Два исключе-

ния: городища Лахтеевское и Лабенщина [Громаў, 1930, с. 214-216; Митрофанов, 1978, с. 46].

Следовательно, для гастрономических интересов ранних славян действительно более подходит дикая лесная кошка. В настоящее время ареал обитания лесной кошки сохранился в центральной Германии. Но некогда он занимал всю Европу – и Западную, и Восточную, исключая Скандинавию. Таким образом, широкий ареал обитания дикой лесной кошки не даёт ответа на вопрос – какие именно земли имел в виду Псевдо-Кесарий: Подунавье или лесную полосу Восточной Европы.

Несколько интереснее другой аргумент – упоминание «каменной». Однако термин *léтра* в греческом языке имеет несколько значений: «камень», «огромный камень», «скала», «утёс». И, по контексту источника, этих камней или скал много. В таком случае, это либо Дунай с его скалами и утёсами, либо север Восточной Европы с его ледниковым ландшафтом с многочисленными валунами.

Казалось бы, решающее значение представляет «людоедский» аргумент. После Плиния о людоедах в Восточной Европе из античных авторов никто не сообщает. Но А. А. Котляревскому при изучении обычного права балтийских славян удалось выявить уникальные свидетельства источников относительно обычая умерщвления в старости у балтийских славян. Это писатель XI в. Ноткер: «...велеты... не стыдятся утверждать, что съедают своих родителей с большим правом, чем черви...»; и Цайллер: «...в прежнее время в Вагрии, Лунебурге и других славянских землях дети убивали своих престарелых родителей и родственников, варили и съедали их или заживо погребали... при полном согласии последних» [Котляревский, 1874, с. 118-123; Велецкая, 1978, с. 62]. Таким образом, «людоедский аргумент» как датирующий признак отпадает.

В целом описание источника производит впечатление глубокой архаики. Слово *catta* появилось в вульгарной латыни в IV в. Из латыни не раньше VI в. появилось греческое обозначение *катта*. Сейчас сам источник – Псевдо-Кесарий – уверенно датируется серединой VI в. Но это никак не свидетельствует о дате первоисточника ПК. Исследователь текста ПК по этому вопросу отмечает, что слависты останавливались «...лишь на

разительном контрасте между фантастическими сведениями о славянах у ПК и деловитым, обстоятельным рассказом Прокопия и объясняли этот контраст относительно большей древностью сообщения ПК. Однако оба автора, несомненно, – современники, хотя данный факт и не исключает возможности того, что ПК пользовался источниками более древними, чем те, которые были известны Прокопию. Впрочем, и это предположение остаётся недоказанным» [Иванов, 1991, с. 255].

Есть только одна подробность у ПК, которая никак и нигде у славян более не фиксируется, – это частичная антропофагия. Этот обычай имеет некоторую территориальную привязку. Как известно, в литовских и русских сказках сохранились упоминания как о людоедстве вообще, так и о некоем культе ампутированных грудей [Королева-Лебедь, 1965, с. 111-113, 118-121; Афанасьев, 1984, с. 93, 104, 106-112). Кажется, что литовское и русское предания дополняют друг друга. А это уже определённая территория, и она находится на балто-славянском северном пространстве.

В сообщении ПК, как можно понять, подобные людоедские зверства имеют место в период ведения каких-то междоусобных боевых действий. При этом должно было пройти довольно много времени, чтобы этот обычай исчез и чтобы славяне появились на Дунае в VI веке уже без него. Иначе говоря, речь идёт о лесных территориях северо-запада Восточной Европы в неопределённо далёкое от VI в. архаическое время. Существенно, что в источнике стоит множественное число камней – *пётралс*, что типично для моренного ландшафта северо-запада Восточной Европы в славяно-литовском пограничье с его многочисленными валунами. В отличие от более южной «безвалунной зоны» ополей, эта зона – валунная.

В этом случае остаётся только одна возможность: ПК использовал ранний источник, сообщающий о некоей драматической междоусобице в среде северных племён в той этногеографической зоне, которую Птолемей обозначил как *стлаваны. Эти сведения, для усиления полемической стороны произведения, ПК извлекает из античных архивов и «навешивает» на современных ему славян.

Клавдий Птолемей в своей работе «Географическое руководство» отражает ситуацию середины – третьей четверти II в. по Р. Х.: «А занимают Сарматия очень большие народы – венеды – вдоль всего Венедского залива... ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов...» [Птолемей, III.5. 7-9].

В силу чисто географических причин сразу же становится понятно, что венеды Плиния вовсе не соответствуют венетам Тацита – это совершенно разные группы населения. Существенно, что Птолемеем упоминаются финны. По видимому, это те же финны, что отмечены Тацитом.

Основное внимание славистов привлекло то место, где от галиндов и судинов некие ставаны расселялись «вплоть до аланов». Места обитания средневековых галиндов и судинов в междуречье Вислы и Немана известны. К востоку от них идут ставаны. Если повествование Тацита идёт в меридиональном направлении, то Птолемея – в широтном. Относительно аланов, до мест обитания которых располагались ставаны, до недавнего времени было известно, что позднесарматские памятники, с которыми можно было бы соотнести аланов, были известны, в основном, в степях. Таким образом, восточная граница ставанов с аланами оказывалась неопределённой. Сейчас позднесарматские памятники выявлены по течению Дона до его верховьев и немного западнее их. Они имеют широкие аналогии в сармато-аланском мире. При этом наиболее поздние верхнедонские могильники датируются II – серединой III вв. по Р. Х. [Медведев, 1990, с. 8, рис. 1, с. 192-193, 199; Обломский, 1997, с. 237]. Затем тот вакуум, который образовался здесь после ухода сарматов, заполняется неким «скифоидным» населением при участии черняховско-киевских группировок [Обломский, 1997, с. 244-245]. Ergo, ситуация с аланами как восточными соседями ставанов соответствует именно предптолемеевскому и птолемеевскому времени. Однако следует склониться к более ранней дате. Дело в том, что сам К. Птолемей – компилятор, который за пределы Александрии не выезжал, а в качестве основы использовал труд Марина Тирского, своего предшественника. Дата рождения К. Птолемея определяется как 110-115 гг. по старым разработкам или как «около 90 г.» – по новым. Прожил он до 168 г. Кар-

та М. Тирского, которую он использовал, может быть продатирована «до 114 г.», поскольку на этой карте ещё не учтены территориальные результаты войн Траяна в Парфии. Ф. Браун полагал, что в момент рождения К. Птолемея М. Тирский был ещё жив (Браун, 1899, с. 176). Следовательно, ситуация со ставанами, расположенными между галиндами и судинами с одной стороны и аланами – с другой, относится либо к началу II в., либо к концу I в.

Таким образом, по описанию Птолемея, восточным соседом алиндов и судинов во II в. по Р. Х. и до середины III в. оказывается культура штрихованной керамики (КШК), а западными соседями верхнедонских сарматов-аланов – верхнеокская культура. КШК заканчивает существование в конце II-III вв. н. э. [Егорейченко, 2006, с. 111], то есть вместе «со ставанами до аланов» успевает попасть в сведения Марина Тирского... как и аланы в верховьях Танаиса-Дона...

В широтном направлении пространство ставанов у Птолемея приблизительно соответствует меридиональному направлению венедов Тацита. Это один и тот же этнографический массив, который Тацит именуется венетами, а Птолемей – ставанами. Идея не новая – ещё в 1973 г. А. И. Попов отмечал: «...что очень существенно для нас, это наличие ясных и определённых высказываний писателей VI в. о полном тождестве славян (как и антов) с древними венетами Тацита; это те же племена, что и последние, их непосредственные потомки, как и анты. Таким образом, можно с уверенностью говорить о начале славянской истории со времён Тацита по крайней мере» [Попов, 1973, с. 33]. «Германия» же Тацита, где содержатся сведения о венетах, была написана в 98 г. н. э. Как это станет видно ниже, Попов оказался совершенно прав.

Другой источник относится ко времени императора Гальбы (68 г.). Известен список ветеранов I Вспомогательного легиона, среди которых упомянут человек по имени М. *Slavi Putiolani* → *M[ark] Slavus Putiolanus, которому жалуется право гражданства. Опубликовавший эти сведения А. Л. Погодин отметил: «Нельзя ли видеть в этом загадочном носителе племенного имени славян одного из славян, попавшего в плен в войнах римлян с

фракийцами, или потомка славянина-военнопленного» [Погодин, 1902, с. 165]. Следует отметить, что наличие славян среди фракийцев в это время исключено.

Военнопленных ставанов-*стлаванов в Империи в это время не было: далеко. Остаётся третья возможность: армии не хватало солдат, и в аукциллэрии принимали всех желающих. В экстремальных ситуациях брали даже рабов самых разнообразных национальностей. Известно, что воины вспомогательных частей служили при Августе 25 лет, с середины I в. н. э. – 26 лет [Бозк, 2001, с. 93]. Так что 42/43 гг. н. э. как время начала службы этого аукциллэрия здесь наиболее вероятны. Судя по его имени, в это время ставаны-славаны-*стлаваны как отдельный народ уже существовали. И тогда это будет первое известное до сих пор упоминание славян под их собственным именем. Третья же часть имени – *cognomen* *Putiolani* – чисто итальянская и происходит от города и крупного морского порта Путеолы в Италии близ Неаполя [Страбон, кн. V, IV.6].

В источнике интересующее нас имя стоит между другими: **«D(ecimi) Alari Pontificalis Caralitani / M(arci) Slavi Putiolani Caralitani / C(ai) Iuli Enecionis Sulcitanis / L(uci) Graeci[n]i Felicis Caralitani...»** [Nesselhauf, 1936, p. 1958]. Из них по порядку: *nomen* *Alari* – явно германское, затем *nomen* *Slavi*, затем *nomen* *Iuli* – обычное римское, далее *nomen* *Graeci[n]i* обозначает национальность – «грек». Так что, по положению в перечне, *nomen* *Slavus* соответствует по месту национальному *nomen* *Graeci[n]us*. Следовательно, *nomen* *Slavus* в этом контексте может быть только национальным. Как и зачем *M. Slavus* добрался до римских Путиол – сие неизвестно.

Итак, состав I Вспомогательного легиона в это время был очень пёстрым, там были люди самых разных национальностей – в том числе и славяне. Его части были расквартированы в Нижней Паннонии не позднее 23 г. н. э. Ян Ле Бозк приводит – с глухой отсылкой на «Анналы» Тацита – красочное описание этого воинства: «Естественно, среди этих воинов встречаются лишь варвары. Тацит, который, правда, презирает солдат, сообщает, что их внешний вид поражал своей необычностью, а говорили они на непонятных языках» [Бозк, 2001, с. 141].

Ещё одно упоминание славянского этнонима известно в составе имени в votивной надписи времени правления императора Александра Севера, датируемой 188 г. н. э., из провинциального римского городка Саварии (ныне Szombathely) в Верхней Паннонии. В надписи перечислены куриалы этого городка. Среди этих куриалов есть имя **Stlabon(ius) Fuscinus** [Heineman, 1987, № 4150; Fitz, 1962, p. 88]. Как верно заметил тот же А. Л. Погодин, «это – единичная форма, ещё плохо приспособленная и оторванная от родной почвы» [Погодин, 1902, с. 165]. Известно, что во главе поселений в Паннонии часто ставили вышедших в отставку ветеранов, они же входили и в состав курий в провинциальных римских городках [Колосовская, 1973, с. 84]. Время – 188 год – практически синхронно данным Птолемея о ставанах-*стлаванах на их родине.

Таким образом, если ставаны-*стлаваны-склавины как отдельная этногеографическая группировка упоминаются в 68 г., то анты, говорившие в VI-VII вв. на том же языке, что и склавины, будучи на Дунае, упоминаются как отдельный народ в 270 г., как свидетельствует известная надпись из Керчи, передающая имя «᾽Αντας Πάλι...», то есть Папион или Папиос Ант на большой посвянительной таблице [Latyshev, II, 1890, p. 30, № 29; КБН, 1965, с. 40, № 36; Погодин, 1902, с. 163-164].

Среди «красных знаков» на амфорах Танаиса конца II-III вв. по Р. Х. есть надпись ANT, возможно, также свидетельствующая о присутствии антов в севернопричерноморских позднеантичных городах [Книпович, 1949, с. 75, рис. 29:3]. В 376 г. анты уже воевали с готами Винитария.

Территориально *стлаванам на это время, в соответствии с географическими данными источников, могли бы соответствовать последовательно культуры штрихованной керамики, днепродвинская культура (ещё до среднетушемлинских зарубиноидных инноваций) и верхнеокская, за которой уже – аланы на верхнем Дону. Антам же, как окраинному народу, более соответствует юхновская. В одной из последних работ Д. А. Мачинский отметил, что *σταβανοί*-ставаны Птолемея – в первоначальном написании * *στλαβανοί* -*стлаваны, и это можно считать доказанным [Мачинский, 2009, с. 473]. С учётом римских данных, плюс к этому, получается показательное сопоставление:

Ставаны – Птолемей,

Славаны – от имени ауксиллярия Славана,

*Славаны – реконструкция по Птолемею (Шувалов),

*Стлаваны – реконструкция по Птолемею (Мачинский),

Стлабоны – от имени куриала Стлабона.

Следует отметить, что у Птолемея в этнониме выпала «л», в имени ауксиллярия – буква «т», а в имени куриала вообще ничего не выпало. Кроме того, два последних проименования славян типа «стлавины» существовали довольно долго наряду с проименованием «склавины» [Александров, 2011, с. 29-31].

Также из Нижней Паннонии (Intercisa на Дунае, ныне город Дунауйварош) происходит надпись с упоминанием бога по имени Dobrates или Dobratis. Полный же текст такой: «Богу Добрату Евтихий раб воздал (посвятил)» [Кудрявцев, 1957, с. 103]. На самом барельефе изображён всадник на лошади. В пользу славянской этимологии имени этого божества в последнее время привёл убедительные аргументы О. Н. Трубочев [Трубочев, 1991, с. 100-101]. Тогда как О. В. Кудрявцев в 1957 г. писал: «Если же имя Dobrates (Dobratis) будет признано славянским, то можно будет почти с полной определенностью утверждать, что в составе населения римской Паннонии во II и во всяком случае в III в. н. э. уже имелись славяне. Это могли быть отдельные группы славян, проникшие на территорию империи по своей инициативе... но могли быть – и это более вероятно – внеимперские славяне, зачисленные в римские вспомогательные войска или даже легионы в смутной обстановке III в. (случаи зачисления варваров, не имевших римского гражданства, в легионы имели место уже во время Маркоманских войн) и поселенные затем на территории провинции, или же рабы и колонны из военнопленных, которых римское правительство со второй половины II в. стало селить на положении колоннов на территории империи, главным образом в пограничных провинциях. Надпись богу Добрату воздвигнута, в частности, рабом» [Кудрявцев, 1957, с. 110]. Могли быть и небольшие славянские поселения: «Такие поселения могли иметься во II и особенно в III в. н. э. и на территории Паннонии, которая, в отличие от Фракии, граничила непосредственно с внеимперскими областями и была расположена значительно далее на север и, следовательно, ближе к

основной территории расселения славянства...» [Кудрявцев, 1957, с. 111].

Надписи, очень близкие к славянским, также имеются в придунайских провинциях. Так, во Фракии, в районе Павталии, известно географическое название – селение ΒΙΙΑΛΑCOST, относящееся, вероятно, к III в. н. э., которое Кудрявцев считал славянским [Кудрявцев, 1957, с. 43-45, 110].

На Певтингеровой карте обозначено несколько названий, претендующих на «славянство»: Urbate у р. Сава, Ulca близ нынешнего г. Сремска Митровица на той же р. Сава, Bersovia близ современного г. Кастолац в бывшей Югославии, Tierna севернее Дуная, у современного г. Дони-Милановец в бывшей Югославии, Ostudizus – *Остудица [Подосинов, 2002, с. 315-316, 317-318, 319-321; Дринов, 1872, с. 170]. Если там действительно были небольшие славянские поселения, то эти земли – никак не территория прародины славян, а, скорее, вкрапления мелких населённых пунктов – мест жительства родов «служилых» славян на римской службе, проявившиеся в топонимике.

Но возможное «мирное» переселение небольших группировок славян было не единственным способом их проникновения в Империю. Ко времени короткого правления императоров-соправителей, отца и сына Требониана Галла и Волузина Галла (251-253 гг. н. э.), относится серия монет Волузиана с титулом «венедский». Имея в виду их союз с готами после проигранной римлянами битвы при Абритте (251 г.) и войны готов с соседями, вполне возможно представить совместный поход тех и других на север, после чего в титуле Волузиана и могло появиться, законным образом, обозначение «венедский», а на территории империи могло быть поселено некоторое количество пленных-венедов [Александров, 2009, с. 337-353].

Теперь об этимологии слова «славяне». Есть версия, что греческое имя «Σταυανοί» можно было бы прочесть как индоиранское *stavana – «хвалимые» и одновременно как перевод славянского *Slovene» [Агеева, 1990, с. 30]. Но хвалили их, славян, только за семейные обычаи и трудолюбие в отношении земледелия, а так – ругали: «Славяне, народ мерзейший и самый дурной...». Или другой перевод: «...винеды гнуснейший и наи-

худший род людей», – за что? А за всё: за реликтовое людоедство, за «лопенщину» – «лобенщину», за скидывание престарелых родителей в яму, за более поздний языческий обряд сожжения, за многожёнство, за сожжение вдов вместе с мужьями, да мало ли за что ещё... [Макушев, 1861, с. 141; Бонифаций, II, 73]. Правда, ругал их в VII веке англичанин Винфрид, или Винфред, затем он же епископ Бонифаций: плохо он к славянам относился... Но тут английский епископ на немецкой службе явственно имел в виду что-то конкретное из приведённого выше списка.

Согласно подобным этимологиям, *словене* первоначально означало 'славные', 'известные', 'хвалимые', однако эта этимология давно отвергнута, как и некоторые другие, ещё менее достоверные [Филин, 1962, с. 56-58].

В своё время Любор Нидерле писал: «Название «славянин» славянского происхождения, однако нам неизвестны, как это ни странно, ни его этимология, ни его первоначальное значение» [Нидерле, 1956, с. 41].

В 1973 г. А. И. Попов, имея в виду написание у Птолемея *ставаны* и его сопоставление с этнонимом *славаны-славяне*, отметил: «Иногда думают, что уже Птолемей знал это название (в искажённой форме), но это по меньшей мере недоказуемо». Далее он отметил, что наибольшее правдоподобие имеет версия о происхождении этнонима *словене* от *слово*. Но затем признал, что «...все попытки объяснения племенного имени *славяне*, *словене* неубедительны [Попов, 1973, с. 32-33]. С тех пор прошло много времени. Ситуация изменилась.

Итак, по Мачинскому, *σταυανοί*-ставаны Птолемея – это в первоначальном написании **στλαυανοί*-*стлаваны, и он считал это доказанным. Но Дмитрий Алексеевич многое в своих работах излагал тезисно. Попытаюсь развернуть этот тезис.

О некой предыстории имени славян сообщает Прокопий Кесарийский: «И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племена называли спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными посёлками. Поэтому-то им и земли надо занимать много» [Прокопий, Война с готами, кн. III, 14, 29-30]. Лучше всего ситуацию обрисовал В. В. Мавродин:

«Что же касается названия славян и антов по Прокопию Кесарийскому *спорами*, то, видимо, он пытался осмыслить какое-то слово, звучащее так, что у него оно могло превратиться в *споров*. Это, как ему казалось, вполне соответствует смысловому значению этого слова в греческом языке, где оно означает *рассеянно, рассеянные*» [Мавродин, 1978, с. 45].

Греческое *σποράδην*, наречие *σποράς* означает «рассеянно», «отдельно», «поодиночке», «там и сям», «по разным местам», так что славяне в древности жили «спораден», и к этому понятию восходит этноним «споры». С этим этнонимом соотносится славянское слово *stlati* – «рассыпать» у словенцев, словаков, чехов, поляков [Фасмер, 1987, т. III, с. 753-754], и, следовательно, *стлаваны – «рассыпанные», «рассеянные». Так что у Прокопия – точный перевод славянского этнонима [Александров, 2011, с. 26-27]. И в этом случае первоначальный этноним – это *стлаваны*, а *славаны* – по ветерану в списке I легиона Адьютрикс и по прочтению Шувалова – это этноним вторичный, с выпадением буквы т, производный от *стлаваны*. Иначе Прокопий не смог бы перевести значение этнонима на греческий язык.

Исходя из имён M. Slavus Putiolanus и Stlabon(ius) Fuscinus, первый из которых выходит в отставку в 68 г. н. э., а второй состоит куриалом в Интерцизе (по-видимому, тоже ветеран-отставник) в 188 г., сведения о северных землях ставанов-*стлаванов римляне могли получать без всяких затруднений из первых рук, по крайней мере, со второй четверти I в. н. э. При Нероне три легиона из Паннонии были направлены на борьбу с Парфией, где и оставались до и после смерти Нерона (68 г.) [Кудрявцев, 1957, с. 164]. Здесь Марин Тирский в своём портрете Тире или кто-то из его предшественников вполне мог получить сведения от M. Slavi Putiolani либо, скорее, от его сослуживцев-соотечественников. Затем рукопись Марина Тирского довольно оперативно по Mare Nostrum попала в Александрию, где эти данные использовал Клавдий Птолемей. В этом случае сведения о ставанах-*стлаванах могут относиться к несколько более раннему времени – к концу 2-й четверти I в. н. э. Отсюда – и ставаны-*стлаваны – до аланов, притом что верхнеокская культура, входящая в понятие и пространство «ставаны», закан-

чивает существование во II в. н. э. Как и подозревалось ранее, сведения несколько запоздали. Возможно, что именно к этому же времени и к этому информационному горизонту начала I в. н. э. (или ранее этой даты) относятся душераздирающие подробности Псевдокесария о глубинных северо-западных областях ставанского-славянского-*стлавянского / стлабонского континуума.

О том же самом северном пространстве немного ранее – около 90 г. до н. э. – сообщает безымянный автор (предположительно, Скимн Хиосский) в своём «Землеописании»: «Ефор говорит, что к востоку за Борисфеном так называемое Полесье заселяют Скифы, за ними к северу земледельцы, потом опять простирается на далёкое пространство пустынная местность, за нею живёт скифское племя Людоедов, а за ними опять пустыня» [Скимн Хиосский, 1890, отр. 841]. Ефор, на которого ссылается Скимн, жил в IV в. до н. э., но на северо-западе Европейской Скифии до рубежа эр всё изменялось очень медленно... Вот где-то там и «сидели» *славяны-*стлавяны, подспудно дожидаясь реформ Августа, чтобы затем в лице наиболее активных своих представителей вступить в ряды аукциллиариев в Паннонии, где стоял кормилец и поилец славян в Империи Первый вспомогательный легион. Впоследствии славяны / стлавяны могли «отметиться» как на римских надписях, так и в раскладке племён в свитках Марина Тирского и Клавдия Птолемея. Вполне может быть, что именно этим небольшим «служилым» группировкам (родам?) принадлежат как «славяноидная» топонимика в районе Подунавья, так и первые прямые лингвистические заимствования из латыни в славянском языке. И не к этому ли времени и не к этой ли ситуации относятся сведения белорусского предания об уходе рода Скирлы к волохам? Вполне может быть, что ушёл не он один. В этногеографическое понятие СЛАВАНЫ – СТЛАВАНЫ входил тогда и весь юг современной Псковской области. Отсюда тоже могли уходить «к волохам»...

Так, или приблизительно так, на настоящее время выглядят обстоятельства появления как гариев и кареолов, так и ставанов-славянов-стлавянов в зеркале исторических источников.

Источники

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 т. Т. 1. М. : Наука, 1984.

Бонифаций. «Загадки, посланные сестре» и переписка Бонифация // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 : VII-IX вв. М. : Восточная литература, 1995.

Бяздоннае багацце. Легенды, паданні, сказы. Мінск : Мастацкая літаратура, 1990.

Королева-Лебедь. Литовские народные сказки. Вильнюс : Vaga, 1965.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М. : АН СССР, 1950.

Прокопий Кесарийский. Готская война // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 : I-VI вв. М. : Наука, 1991.

Псевдо-Кесарий. Ответы на вопросы // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 : I-VI вв. М. : Наука, 1991.

Птолемей. Географическое руководство // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 : I-VI вв. М. : Наука, 1991.

Равеннский Аноним. Космография // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 : I-VI вв. М. : Наука, 1991.

Скимн Хиосский. Землеописание // Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1 : Греческие писатели. СПб., 1890.

Страбон. География : в 17 кн. М. : Ладомир, 1994.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит Корнелий. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Ладомир, 1993.

Heineman M. Inscriptiones Asiae, provinciarum Graecarum, Illiriae. Ps. I. CIL V. III. Berolini, 1987.

Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti euxini graecae et latinae. V. II. Petropoli, 1890.

Nesselhauf H. Diplomata militaria. CIL V. XVI. Berolini, 1936 + Suppl., 1955.

Литература

Агеева Р. Л. Страны и народы : происхождение названий. М. : Наука, 1990.

Александров А. А. Венеды Волузиана и венеды Певтингеровой карты. // Археология и история Пскова и Псковской земли : семинар имени академика В. В. Седова : материалы 54 заседания. Псков, 2009.

Александров А. А. Об имени князя Святослава на печати X века // Кирилло-Мефодиевские традиции в Пскове : материалы круглого стола 19 мая 2011 года в Псковской областной универсальной научной библиотеке. Псков, 2011.

Белорусский сборник / под ред. Е. Р. Романова. Вып. 4. Витебск, 1891.

Бозк (Ян Ле Бозк). Римская армия эпохи ранней Империи. М. : РОССПЭН, 2001.

Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. I. : Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. СПб., 1899.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи великого переселения народов. М. : Наука, 2000.

Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М. : Наука, 1978.

Громаў В. І. Аб фаўне гарадзіш БССР і Смаленскай губ. // Працы археолёгічнай камісіі. Т. 2. Менск, 1930.

Дринов М. С. Заселение Балканского полуострова славянами // ЧОИДР. Кн. 4, 1872.

Егорейченко А. А. Культуры штрихованной керамики. Минск : БГУ, 2006.

Иванов С. А. Псевдо-Кесарий // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 : I-VI вв. М. : Наука, 1991.

Карпов В. Кошка на Руси // «На суше и на море» М. : Мысль, 1987.

Книпович Т. Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. М. ; Л. : АН СССР, 1949.

Колосовская Ю. К. Паннония в I-III веках. М. : Наука, 1973.

Котляревский А. А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Ч. 1. Прага, 1874.

Кудрявцев О. В. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М. : АН СССР, 1957.

Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л. : ЛГУ, 1978.

Макушев В. В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861.

Мачинский Д. А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения Русского государства в середине VIII – середине XI в. // ТГЭ. Вып. XLIX. СПб. : Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009.

Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движений славян I-VII вв. н. э. // Acta archaeologica carpathica. Т. 16, 1976.

Мачинский Д. А. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского государства // АСГЭ. Вып. 29. Л. : Искусство, 1988.

Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1990.

Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII-VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). Минск : Наука и техника, 1978.

Нидерле Л. Славянские древности. М. : Иностранная литература, 1956.

Обломский А. Б. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Проблемы славянской археологии : труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М. : Изд-во НПБО «Фонд археологии», 1997.

Погодин А. Л. Эпиграфические следы славянства // Сборник статей по археологии и этнографии. СПб., 1902.

Подосинов А. В. «Космография» Равеннского Анонима // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 : VII-IX вв. М. : Восточная литература, 1995.

Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции : Тексты. Перевод. Комментарий. М. : Индрик, 2002.

Попов А. И. Названия народов СССР. Л. : Наука, 1973.

Смоленский этнографический сборник / под ред. В. Н. Добровольского). Ч. 1. : Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1891.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян : Лингвист. исслед. – М. : Наука, 1991.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М. : Прогресс, 1987.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М. ; Л. : АН СССР, 1962.

Цалкин В. И. Хозяйство восточноевропейских племен раннего железного века // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М. : Наука, 1964.

Шелов-Коведяев Ф. В. Птолемей (комментарии) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 : I-VI вв. М. : Наука, 1991.

Шувалов П. В. Три карты Европейской Сарматии Клавдия Птолемея // *Stratum plus*. 2013. № 4.

Fitz J. A military history of Pannonia from the Marcoman wars to the death of Alexander Severus (180-235) // ААН. 1962. № 14.

Список сокращений

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

БГУ – Белорусский государственный университет

ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РАН – Российская академия наук

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа

ЧОИДР – Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских

ААН – *Acta Archaeologica Hungarica*

CIL – *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berlin